

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 199–233.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 199–233.

Научная статья / Original article

УДК 1(470)(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-199-233

ЖИЗНЬ ЯНА СТЭНА ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗ ПАРТИЙНЫХ, АКАДЕМИЧЕСКИХ И СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ

Сергей Николаевич Корсаков

Институт философии

Российской академии наук,

Москва, Россия, snkorsakov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассказывается о возможностях полноценной реконструкции жизненного пути российских философов прошлого на материале истории философии советского периода. Проводится мысль о том, что успешное решение подобной задачи возможно только на путях комплексного применения различных архивных и литературных источников. К таким источникам относятся фонды академических архивов, архивов учебных заведений, партийных архивов, архивов органов государственной безопасности. Подчеркивается роль семейных архивов, при работе с которыми анализ сохранившихся документов следует дополнять непосредственным сбором воспоминаний потомков философов. К литературным источникам относятся монографии, сборники статей, журнальная и газетная периодика, рецензии. Данные мысли иллюстрируются на примере биографии советского философа 1920-х

© Корсаков С. Н., 2022

годов Яна Эрнестовича Стэна (1899–1937), представителя дебординской школы. Впервые публикуются автобиография Я. Э. Стэна из дела Комиссии партийного контроля, выступление Я. Э. Стэна на дискуссии в Институте научной философии, документы и фотографии из архива вдовы Я. Э. Стэна Валерии Львовны. Среди этих документов свидетельства о Я. Э. Стэне его коллег В. Я. Кирпотина и Г. М. Беспалова, письмо В. Л. Стэн на имя секретаря ЦК КПСС П. Н. Демичева с требованием привлечь к партийной ответственности М. Б. Митина за плагиат статьи Я. Э. Стэна и воспоминания И. Е. Мясковской, правнучки В. Л. Стэн. Документы были обнаружены на даче Стэнов в Московской области в декабре 2021 года. Воспоминания И. Е. Мясковской написаны специально для настоящей публикации. Впервые публикуются уникальные фотографии, запечатлевшие Я. Э. Стэна.

Ключевые слова: история советской философии, Я. Э. Стэн, дебординская школа, сталинские репрессии, Институт философии, архивы

Ссылка для цитирования: Корсаков С. Н. Жизнь Яна Стэна по документам из партийных, академических и семейных архивов // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 199–233.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-199-233>.

Archival Materials. Unpublished Papers

YAN STAEN'S LIFE ACCORDING TO DOCUMENTS
FROM PARTY, ACADEMIC AND FAMILY ARCHIVES

Sergey N. Korsakov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, snkorsakov@yandex.ru

Abstract. The article describes the possibilities of a full-fledged reconstruction of the life path of Russian philosophers of the past on the material of the history of philosophy of the Soviet period. It is suggested, that a successful solution of such a problem is possible only by the constant integrated using of various archival and literary sources. Such sources include funds of academic archives, archives of educational institutions, party archives, archives of state of state security agencies. The role of family archives is emphasized, when working with which the analysis of surviv-

ing documents should be supplemented by a direct collecting of the memoirs of the descendants of philosophers. Literary sources include monographs, collections of articles, magazine and newspaper periodicals, reviews. These thoughts are illustrated by the example of the biography of the Soviet philosopher of the 1920s. Ya. E. Staen, a representative of the Deborin School. Published for the first time: autobiography of Ya. E. Staen from the case of the Commission of Party Control, speech by Ya. E. Staen at a discussion at the Institute of Scientific Philosophy, documents and photographs from the archive of Ya. E. Staen's widow — Valeria Staen. Among these family documents are evidence of Ya. E. Staen, written by his colleagues (his former students) V. Ya. Kirpotin and G. M. Bepalov, Valeria Staen's letter, addressed to the Secretary of the Central Committee of the CPSU P. N. Demichev with a demand to bring M. B. Mitin for plagiarism of Staen's article "Philosophy" in Big Soviet Encyclopedia and memoirs of Irene E. Myaskovskaya, great-granddaughter Valeria L. Staen. For the first time, unique photographs are published, depicting Ya. E. Staen. The documents were discovered in November — December 2021 in the cottage that firstly belonged to Valeria Staen not far from Moscow, Memoirs by Irene E. Myaskovskaya were written during her cooperation with me in the memory of her beloved relatives.

Keywords: history of Soviet philosophy, Ya. E. Staen, Deborin school, Stalinist repressions, Institute of Philosophy, archives

For citation: Korsakov, S.N. (2022) 'Yan Staen's Life according to Documents from Party, Academic and Family Archives', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 199–233. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-199-233.

Когда я приступил к детальному изучению истории советской философии, то почти интуитивно нащупал путь, который мне представляется самым правильным: комплексный подход к источникам и реконструкция на основе этого системы взаимоотношений участников событий, отражающей конфликт их идейных и человеческих позиций. Сейчас если к тематике советской философии и обращаются, то чаще всего пользуются, если так можно выразиться в этом случае, структурно-семантическим подходом. Берут тексты, причем довольно произвольно, из некоторых наиболее известных изданий, и пытаются анализировать употребление тех или иных словесных формул, зачастую вкладывая в них собственные неаутентичные смыслы и строя умозрительные объясняющие конструкции. Причем для рассмотрения берутся либо общеизвестные персонажи, либо же с рассматриваемыми фигурами

оперируют как с анонимами, без попыток углубиться в вопрос: а что эти фигуры из себя представляли? Отсюда поверхностность умозаключений. В результате исследователи имеют дело не с реальной картиной изучаемой эпохи, а с тем ее образом, который стихийно дошел до нас во времени, в значительной степени под воздействием различных идеологических матриц. Либо же вкладывают в привлеченный материал собственные актуальные представления. Могут быть и публикации, которые оформлены архивными ссылками, но не способствуют продвижению к научному пониманию предмета. Хотя, с другой стороны, в изучении советской философии возможна подлинная научность даже без привлечения архивного материала, как в случае с нестареющей книгой О. О. Яхота «Подавление философии в СССР». Сохраняют вполне значение и пионерские работы Г. С. Батыгина по истории советской философии.

Ничто не может заменить самого обычного идейно-исторического и историко-философского изучения. А оно должно быть всесторонним и углубленным, опираться на изучение документов. Важно понять, что действующими лицами в событиях прошлого были часто не те, кто по тем или иным причинам попали в справочную литературу. Нужно быть готовым к тому, что, если ты хочешь решить ту или иную поставленную исследовательскую задачу, придется изучать жизнь и деятельность людей, о существовании которых ты

Ян Эрнестович Стэн (1899–1937)

не знал, когда эту задачу ставил. Если ты обратишься к документам, такие персонажи будут возникать на каждом шагу. И нужно будет ответить себе на вопрос: что это за человек? То есть его надо знать так же гештальтно, как мы знаем людей, с которыми общаемся в жизни. Чего он стоит? Серьезно ли его надо воспринимать и в каких отношениях серьезно, а в каких нет? Что он продвигает в рамках общей идейной ситуации? В какой системе связей он функционирует и как на нее влияет его деятельность? Каковы его нравственные качества? Только зная всё это, можно адекватно оценить тексты, многие из которых еще нужно найти, вытащив их из

Воспитанники Вольмарской (Валмиерской) учительской семинарии. 1915–1916 учебный год. В центре сидит учитель-теолог Карлис Кундзиньш. Второй слева в верхнем ряду — Ян Стэн

Леты и поставив в современную им реальную систему общественных и личных взаимосвязей.

Конечно, такой целостной ясности не получить, если брать только какую-то одну сторону человека и, соответственно, только один какой-то вид сведений о нем. Поэтому и нужен комплексный подход к источникам. Какие виды источников необходимо проработать, скажем, если речь идет о советских философах?

Первое, что приходит на ум: литературные источники, их тексты. С авторскими монографиями всё более или менее понятно. Но есть сборники статей, и выявить статьи интересующего тебя лица непросто, так же как и узнать, кто был автор заинтересовавшей тебя статьи. В каких сборниках он еще публиковался... С журнальными статьями не проще. Обратиться к ведущему журналу данного периода совершенно недостаточно. Надо представлять себе номенклатуру периодики, печатавшей философские статьи, а ее число составляет десятки названий. Надо сначала выявить эти названия. Периодические издания часто привязаны к тем или иным институциям. Значит, надо представлять себе структурную схему этих институций, наложенную на ткань философской жизни. Особое внимание надо уделить рецензиям: они помещают человека в перекрестье актуальных тогда оценок, отражают либо его качества, либо от-

Я. Э. Стэн на крыльце родного дома рядом с родственниками. 1925 или 1928

ношение к нему, определяемое идеологическими причинами. И здесь дело не сводится к рецензиям на индивидуальные монографии. Есть рецензии на сборники, и есть рецензии на периодические издания. В них также содержатся оценки нужного лица, но их надо выявить. Газетные статьи могут иметь решающее значение для реконструкции событий идейной жизни. Насколько они влияют на текущий момент, настолько же их значение исчезает в потоке времени. Причем следует учитывать как философские статьи в массовых газетах с их резонансностью, так и многотиражки вузов и академических структур, содержащие богатые сведения, включая иконографические.

К литературным источникам относятся и воспоминания, публиковавшиеся в разное время и по разным поводам. Их нужно знать и в них ориентироваться.

Перейдем теперь к архивам. Скажу сразу, что если бы я не обратился к архивным источникам при изучении советской философии и всё отпущенное время тратил бы только на изучение публикаций, то мои реконструкции прошлого по информативности и пониманию событий стремились бы к нулю. Перечислим виды архивных источников, необходимые в нашем деле. Конечно, это академические архивы. Здесь и текущее делопроизводство, и стенограммы заседаний и семинаров, и научные доклады, и рукописи, и отзывы на них, и

личные документы, и списки трудов. Значение имеют архивы учебных заведений. Весьма важно обращение к партийным архивам. Их документы не сводятся только к личным делам и стенограммам собраний. Есть еще один важнейший источник, ныне переставший вновь быть доступным: это документы партийного контроля, то есть инквизиционные документы. Они наиболее информативны по части реальной картины трагических страниц истории. С ними не идут ни в какое сравнение документы органов госбезопасности, хотя их тоже нужно иметь в виду, правда, скорее для проведения дальнейшего биографического и иконографического поиска.

Самостоятельный фронт работы: розыски семей изучаемых персонажей и работа с ними. Подобные поиски иногда носят детективный характер, а общение с потомками героев требует психологического искусства. С семьями работа двоякая: выявить весь сохранившийся документальный материал и выслушать, а в случае необходимости записать воспоминания либо предложить написать их самим членам семей героев. То же относится к воспоминаниям пожилых коллег-философов. Подобную работу я начал делать, будучи еще студентом.

Есть и такой специфический, но подчас важный участок, как обнаружение могил и выявление некрологов. Иногда вообще невозможно иначе установить даты жизни и получить изображение героя.

Бывают радостные случаи обратной связи, когда разыскать родственников в ходе работы над персоналией не удалось, публикация вышла. И неожиданно она сама становится магнитом или маяком, на который выходят потомки героя, сообщают дополнительные сведения, приносят уникальные фотографии. Так случилось у меня после публикации статьи о дебординце Э. Ф. Лепине¹ [Корсаков, 2019]. Откликнулась его внучка, сообщила сведения о том, как их

В. Л. Стэн. 1920-е

¹ Лепинь Эдуард Фрицевич (1893–1937) — советский философ. Репрессирован.

семья пережила трагедию репрессий, переслала фотографии своего деда и его семьи. До тех пор имелось одно не очень качественное его изображение, найденное ярославскими краеведами. Теперь мы можем посмотреть, как выглядел этот сотрудник Ленинградского Института философии. Всякая такая встреча с потомками твоих героев окрыляет.

Когда источники изучены, начинается путь от анализа — к синтезу. Прделанная работа по всем направлениям одновременно может позволить реконструировать целостный образ философа и понять его как человека. Если исследователь привык работать с одним типом архивов, где он комфортно себя чувствует и не хочет выходить из зоны комфорта, он задач создания философского портрета героя не решит.

Вот те общие соображения, которые я хотел предпослать тому, что теперь называют кейс-стади, и посвятить нижеследующие страницы самому символическому герою советской философии 1920-х годов Яну Эрнестовичу Стэну. Попытку реконструкции жизненного пути Стэна я предпринимал в книге «Наш философский дом» [Корсаков, 2009]. Она, конечно, была неполной, да и касалась только последнего периода его жизни. Потом я собрал и опубликовал философские тексты Стэна, которые на тот момент удалось выявить [Стэн, 2015]. В настоящей публикации я хочу ввести в научный оборот новые тексты, одновременно продемонстрировав возможности создания объемной, многогранной картины на стыке нескольких видов источников.

Начну с документа из партийных архивов. В РГАСПИ находятся на хранении личное и персональное дела Стэна. В нулевые годы персональные дела выдавались свободно. Сейчас они вновь не выдаются. Смысла в этом нет, чаще всего никаких личных секретов они не содержат. В основном они заполнены инквизиционными разбирательствами по обвинению в «троцкизме». Соображения о душевном спокойствии потомков авторов доносов не мешали недавней открытости этих документов. Историки, несомненно, должны иметь

Я. Э. Стэн и В. Л. Стэн на отдыхе. 1929

возможность их изучать. Мне в работе приходится теперь довольствоваться теми выписками, которые я успел тогда сделать и благодаря которым я могу сообщить читателям о документах, вышедших из-под пера Стэна.

Среди них — автобиография Стэна, написанная после начала последнего партийного инквизиционного процесса и перед последним его арестом. Поэтому данная автобиография наиболее ценна как итоговая. В тексте хорошо видны вынужденные пассажи, написанные в попытке защититься от ударов. Но она дает совершенно уникальную информацию из первых рук о годах формирования мировоззрения Я. Э. Стэна. С другой стороны, столь же бесценна информация о его главных произведениях, погибших при аресте. То, что он работал над темой о «Феноменологии духа» и «Фаусте» можно установить по косвенным признакам. Но текст автобиографии показывает, что Стэн готовил не одну, а две работы на эту тему. Так документы партийных архивов позволяют устанавливать историко-философские факты.

Обратимся теперь к архивам высших учебных заведений и академическим архивам, то есть к хранилищам, в которых можно найти авторские научные тексты. После публикации сборника философских произведений Стэна я считал, что возможности поиска его философских текстов исчерпаны. Но нет! Нашлись еще две его философских работы.

В ГАРФ удалось обнаружить вступительное сочинение, которое он подал при поступлении на философское отделение Института красной профессуры (ИКП) [ГАРФ. Ф. 3-5205. Оп. 2. Ед. хр. 1045]. В работе Стэна нет ничего ученического. Это тот случай, когда легкость литературной формы отражает свободное владение материалом и проистекает из ума и таланта автора. В свете того, что мы знали ранее, удивляет тема: «Учение Михайловского о прогрессе». Считается, что деборинцы почти не занимались русской философией, хотя наши недавние исследования вносят коррективы в данное мнение [Корсаков, Черняев, 2021]. Но о Стэне действительно не было известно, что он когда-либо обращался

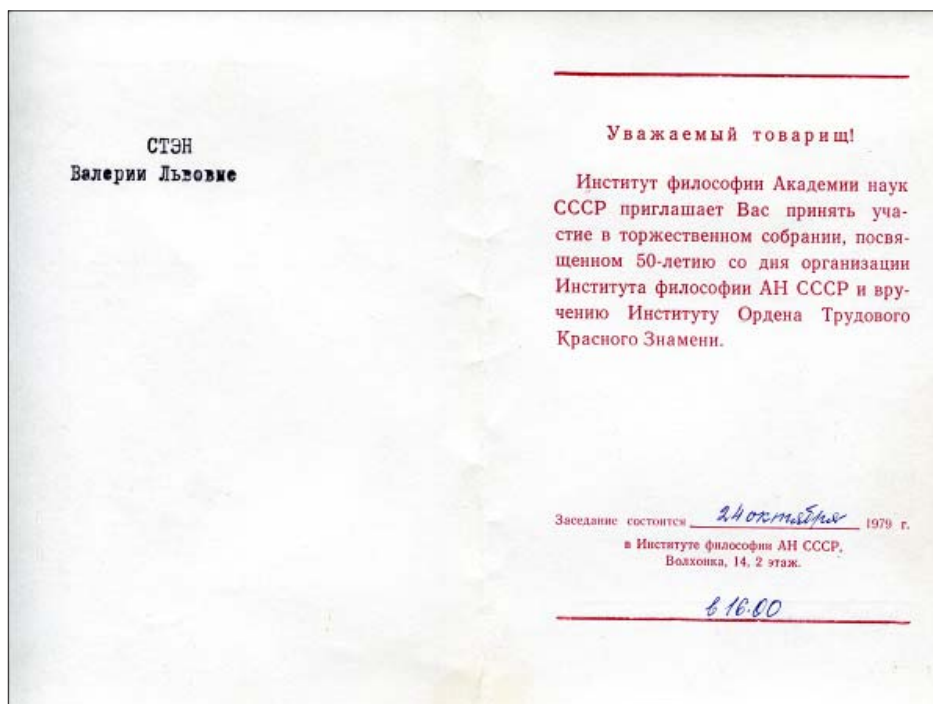

В. Л. Стэн после реабилитации. 1956

к истории русской философии. И вот — объемная работа в несколько десятков страниц, писанная от руки. Стэн проводит сравнительный анализ философско-социологических концепций Михайловского, Спенсера и Конта и приходит к выводу, что «несмотря на свое страстное нападение на органическую теорию общества, Михайловский сам не выходит за пределы абстрактно-биологических обобщений» [ГАРФ. Ф. Р-5205. Оп. 2. Ед. хр. 1045. Л. 3–4]. Стэн далее приходит к заключению, что субъективизм в социологии Михайловский переносил и на решение основного вопроса философии. Стэн вычленяет основную формулу прогресса в концепции Михайловского, связанную с уменьшением разнородности общества. Он критикует периодизацию стадий прогрессивного развития Михайловского, построенную абстрактно-рассудочным методом без показа логики переходов от одной стадии к другой. Вывод Стэна:

Формула прогресса Михайловского, носящая яркий телеологический и нравственно-оценочный характер, не может иметь для действительного социологического познания никакого значения. Абстрактное же рассуждение о том, в какой зависимости стоит развитие индивидуальности от дифференциации общества, — совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношения, годного для всякой формы устройства общества.

[ГАРФ. Ф. Р-5205. Оп. 2. Ед. хр. 1045. Л. 31]

Пригласительный билет В. Л. Стэн на празднование 50-летия Института философии АН СССР. 1979

В Архиве РАН найдено выступление Я. Э. Стэна в Институте научной философии в дискуссии по докладу Л. И. Германа² «Проблема бытия и сознания в философии Бергсона». Прения по докладу проходили в несколько приемов и вышли далеко за рамки заявленной темы. В них выступил А. А. Богданов с изложением нигилистических взглядов на философию, к которым он пришел в начале 1920-х годов. От имени механистов Л. И. Аксельрод поддержала ряд тезисов Богданова, что вызвало ответную резкую полемику со стороны А. М. Деборина и его сторонников. Стэн выступал на этой дискуссии 16 марта 1926 года. Мы нашли текст этого выступления и опубликовали в сборнике его философских работ. Но оказалось, что Стэн вновь выступил на этой дискуссии в один из последующих дней, 27 апреля. Выступление явилось ответом еще одному лидеру механистов А. К. Тимирязеву. Тимирязев заявил, что в философии естествознания диалектики опираются на «реакционные» идеи квантовой механики Планка и Бора, теорию относительности и генетику и это заведет их к физическому идеализму и витализму [Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 89–98]. Возражая Тимирязеву, Стэн, по существу, сформулировал основные идеи диалектиков о том, что определяющим для свойств форм движения материи являются не составляющие их элементы, а типы связей между ними и что в отношении форм движения материи (от механической к социальной), соединенных скачкообразными переходами, действует принцип качественной несводимости высших форм к низшим.

Перейдем к открытиям в семейном архиве. Когда я начал работу над советской философией 1920–1930-х годов и особенно заинтересовался деборинцами, мне посчастливилось разыскать И. Е. Мясковскую, правнучку В. Л. Стэн. Меня привел к ней обнаруженный на Введенском кладбище кенотаф с высеченным именем Яна Стэна. Имена Яна Стэна и захороненной здесь его жены Валерии были заключены в терновый венец. Рядом было написано с открытой датой имя зятя Валерии Львовны, через телефон которого я и разыскал ухаживавшую за ним ее правнучку. Когда Ян Эрнестович и Валерия Львовна поженились, у них у каждого было по дочери от первого брака. Ольга, дочь Валерии, жила с ними, и ее потомки считают Яна родным и дорогим человеком. И. Е. Мясковская (так же, как ее мать Елена Михайловна), приняла близко к сердцу трагическую судьбу Стэна и своей прабабушки, с которой она провела детские годы.

В декабре 2021 года произошло «архивное чудо» — случай, который известен каждому исследователю-архивисту и который бывает только раз в жизни.

² Герман Лев Иосифович (1895–?) — советский философ.

Состоялось обретение архива Стэнов, вернее того, что пощадило в нем время после периода репрессий в отношении супругов, а затем десятилетий небрежения. В том же подмосковном дачном поселке, где в 1929–1936 годах была дача Стэнов, а после реабилитации с 1958 года проживала уже в другом доме В. Л. Стэн, скончался отчим И. Е. Мясковской. В тот же день, когда она узнала об этом, то немедленно поехала туда, чтобы разыскать недоступные до того времени документы Стэна. О том, чтобы попытаться счастье в их розыске, мы говорили с ней давно и неоднократно. Ей посчастливилось.

Лета вернула нам уникальные фотографии, прежде всего «тот самый» портрет Стэна. О нем я слышал от О. Н. Якимюк, дочери Н. А. Карева³. После расстрела родителей она прошла несколько детдомов, во время войны подростком работала на заводе, а после сумела вернуться в Москву и поселилась у своей няни, так как родственники побоялись ее принять. Во время оттепели ее разыскала В. Л. Стэн. О. Н. Якимюк побывала у нее и увидела на почетном месте портрет Стэна. Валерия Львовна рассказывала ей: «Утром встаю, говорю: “Доброе утро, Ян!”, ложусь спать, говорю: “Спокойной ночи, Ян!”». Здесь же нашлось семинарское фото юного Яна. И фото — на крыльце родного дома рядом с родными. Сделано оно явно во второй половине 1920-х годов. Можно датировать даже точнее: 1925 или 1928 год. В эти годы Стэн выезжал в полулегальные командировки по линии Коминтерна, в первый раз в Германию, Австрию и Чехословакию, во второй раз — в Германию. В его личном листке по учету кадров нет указаний на какие-либо его другие поездки за границу. Можно предположить, что по пути он заехал к родным в Латвии. Еще одна замечательная фотография: Валерия и Ян на каком-то курорте. Плохое качество фото искупается характерностью образа. Ян одной рукой обнимает любимую женщину, а другой сжимает толстый том. Так и хочется представить, что это «Феноменология духа». Справа, по семейному преданию, стоит познакомивший их критик Л. Н. Чернявский⁴. Наконец, это несколько фотографий В. Л. Стэн после реабилитации.

Среди документов — копия справки о реабилитации Стэна от 14 июля 1956 года и выписки из уголовного дела В. Л. Стэн, сделанные ее внучкой Е. М. Мясковской в архивах КГБ. Сохранилась копия ведомости успеваемости ученика второго класса Вольмарской учительской семинарии. Из последней следует, что сын крестьянина Сарканской волости Венденского уезда Лифляндской губернии Ян Эрнестович Стыне, родившийся 11 марта

³ Карев Николай Афанасьевич (1901–1936) — советский философ. Репрессирован.

⁴ Чернявский Лев Николаевич (1897–1979) — советский критик, драматург, переводчик.

1899 года⁵ и учившийся в Лаздынском евангелическо-лютеранском приходском училище, поступил 16 августа 1915 года в первый класс семинарии. В ведомости только две графы оценок заполнены пятерками: поведение и Закон Божий. Четверки по естествоведению. Четверки с тройками по арифметике и физике. Тройки по большинству предметов: по русскому языку, латышскому языку, алгебре, геометрии, истории, географии, чистописанию, рисованию и органу, а по пению и скрипке встречаются и двойки. 20 марта 1917 года учащийся был переведен в третий класс. Среди сохранившихся писем — сообщение от зав. партархивом Ульяновского обкома КПСС о том, что в книге «В. И. Ленин в фотоискусстве» (с. 178–179) на фотографии участников подавления Кронштадтского мятежа второй справа в черном пальто, держащий правую руку на груди, — Стэн. И несколько писем из Латвии: от семейства Шмитс, родственников Стэна, от краеведа из Мадоны И. К. Звиргздиньша, от старшего преподавателя Валмиерского учебно-консультационного пункта Рижского политехнического института Г. А. Раузана, от ректора Латвийского государственного университета академика В. А. Штейнберга. В. А. Штейнберг приглашает на юбилейное заседание памяти Стэна и просит выступить с воспоминаниями. Г. А. Раузан сообщает, что в январе 1967 года на здании бывшей Валмиерской учительской семинарии установлена мемориальная доска с 56 фамилиями выдающихся семинаристов, и среди них начертана и фамилия Стэна.

Самый ценный блок документов связан с историей об изобличении М. Б. Митина в плагиате статьи Стэна «Философия» в БСЭ. Эта история многократно описана в историко-научной литературе и хорошо известна. Есть и воспоминания Л. Н. Митрохина, который в 1967 году был секретарем партийной организации журнала «Вопросы философии» и довел до конца дело об исключении из партии Митина, работавшего тогда главным редактором журнала [Митрохин, 2002]. Академик В. А. Лекторский, старейший сотрудник Института философии, присутствовавший на том партсобрании, недавно рассказал нам с И. Е. Мясковской о незабываемом моменте, как Митин цинично пытался оправдать себя тем, что, поменяв авторство, сохранил статью Яна Эрнестовича. В результате вышестоящие инстанции оставили Митина в партии с выговором, но он потерял и должность главного редактора, и ряд других должностей. На этом его политическая карьера закончилась. Но главное — была одержана нравственная победа, единственный в советской

⁵ Возможно, он был с опозданием записан в метрическую книгу, так как отмечал с женой день своего рождения 9 марта — самый главный и любимый день в году для Валерии на всю оставшуюся жизнь.

истории случай наказания организаторов репрессий «на философском фронте». И сделано это было благодаря самоотверженной любви вдовы Стэна и ее борьбе за справедливость. Нашлась первая страница письма В. Л. Стэн с разоблачением Митина на имя секретаря ЦК КПСС П. Н. Демичева. Второй страницы нет, но вся основная информация изложена на первой. По правилам того времени при посмертной реабилитации собирались отзывы людей, знавших покойного. Они были признаны удостоверить его невиновность и преданность советской власти. В архиве Стэнов нашлись отзывы В. Я. Кирпотина⁶ и Г. М. Беспалова⁷. Ранее в семейном архиве был и отзыв В. Ф. Асмуса. В. Я. Кирпотин учился со Стэном на философском отделении ИКП. В его фонде в РГАЛИ есть фото слушателей ИКП, среди которых — Стэн. Потом их вместе направили от Коминтерна «готовить революцию» в Чехословакии. Об этом Кирпотин рассказал в своих воспоминаниях. На отзыве Г. М. Беспалова стоит печать редакции журнала «Вопросы философии». Его воспоминания особенно ценны как прямое свидетельство читателя главного произведения Стэна о Гегеле и Гёте. Он и его брат И. М. Беспалов⁸ учились в ИКП, восхищались преподавателем Стэном, бывали у него дома. Он зачитывал им большие отрывки из своего труда. Впоследствии братьев постигла тяжелая участь. В 1937 году Иван был расстрелян, а Георгий после ареста брата уволен с работы и исключен из партии. Отзывом Г. М. Беспалова дополнительно подтверждается факт создания Стэном большой работы о Гегеле и высокий научный и литературный уровень этого труда.

Я попросил И. Е. Мясковскую написать воспоминания для настоящей публикации. Поскольку она в детстве проводила с прабабушкой летние месяцы на даче, слушала и запоминала ее высказывания, мы имеем здесь почти что прямое свидетельство. Вообще говоря, воспоминания о Я. Э. Стэне не собраны, поэтому перечислю те мемуарные источники, где есть фрагменты воспоминаний. Это воспоминания А. Г. Авторханова [Авторханов, 1976, с. 116, 154], А. М. Деборина [Деборин, 2009, с. 124–125], В. Я. Кирпотина [Кирпотин, 2006, с. 100–112], А. М. Лариной [Ларина, 2002, с. 144–145], Т. И. Ойзермана [Ойзерман, 2010, с. 129], В. Д. Резника [Резник, 1991, с. 197], Ю. В. Шапиро [Шапиро, 2006, с. 4], М. М. Этлиса [Сандлер, Этлис, 1991, с. 87–88]. Среди найденных в дачном поселке документов есть последняя, пятая страница неизвестных воспоминаний о Стэне. Несомненно, они принадлежат самой В. Л. Стэн и представляют

⁶ Кирпотин (Рабинович) Валерий Яковлевич (1899–1997) — советский философ.

⁷ Беспалов Георгий Михайлович (1904–1967) — советский ученый-международник.

⁸ Беспалов Иван Михайлович (1899–1937) — советский литературовед. Репрессирован.

собой текст ее выступления на торжественном заседании памяти Я. Э. Стэна, состоявшемся в Риге. В них говорится, что Ян Стэн стремился «оказать настоящую помощь людям, которые в ней нуждались. И как-то незаметно он всегда становился центром в любой сходке друзей и всегда восхищал всех своим остроумием, которое никогда не бывало дешевым».

Главные философские произведения Я. Э. Стэна погибли, были уничтожены по воле Сталина. Было сделано всё, чтобы вычеркнуть его из памяти людей и из истории советской философии. Но подлинное возвращается. Находятся люди, которые осознают значение погибшей личности и предпринимают усилия для восстановления справедливости. Если же проявлять настойчивость и грамотно совместить «показания» различных источников, удастся воссоздать объемный портрет философа и восстановить его основные идеи.

Документальное приложение

1. Автобиография Я. Э. Стэна

Родился я в 1899 г. в семье сельскохозяйственного батрака в Венденском уезде Лифляндской губернии. До двенадцати лет был пастухом. Учился в сельской начальной школе. После двенадцати лет работал в сельском хозяйстве по найму. До тринадцати лет находился под влиянием религиозной идеологии. Дедушка в раннем детстве обучал меня грамоте по Библии. В тринадцатилетнем возрасте пережил кризис, который привел меня к разрыву с религией и толкнул меня к чтению Э. Геккеля и Л. Бюхнера. Книга Эрнста Геккеля «Мировые загадки», о существовании которой впервые узнал из одной проповеди местного пастора, стала моей любимой книгой. Страстная любовь к природе и интерес к вопросам естествознания охватили и заполнили всю мою детскую душу. Наблюдал окружающие явления природы, собирал коллекции камней, растений и насекомых. Прочитав «Астрономию» Фламариона и заимствовав у соседа старый морской бинокль, изучал по книгам звездное небо. Проштудировав «Школу химии» Освальда и приучив сына местного аптекаря, моего школьного товарища по начальной школе, таскать из аптеки склянки, колбочки, кислоты и всякого рода химические вещества, организовал в роще своеобразную химическую лабораторию.

Все эти стремления и склонности не могли получить свободного развития. Нужда и тяжелая борьба за кусок хлеба были уделом сельскохозяйственного батрака. Кормить и воспитывать детей не было никакой возможности. Дети сами должны зарабатывать себе хлеб. Больная, согнувшаяся под тяжким

бременем труда мать. Болезненные брат и сестра. Умирает брат, сестра, а потом и мать. Отец горел ненавистью против немецких помещиков и латышских кулаков, в 1905 году принимал участие в движении батраков и примыкал к латвийской социал-демократии.

Вся обстановка, в которой я рос, неизбежно должна была поставить передо мною вопросы общественного развития. В августе 1914 года вошел в состав социал-демократического кружка молодежи, находившегося под руководством Мадонской организации Малиенского района. Первая марксистская книжка, с которой я ознакомился в этот период, была книга латвийского социал-демократа Янсона⁹ «Исторический материализм». Впервые имя Ленина я услышал в 1915 году. Оканчивая начальную школу, я стремился к тому, чтобы продолжить учение, но дорога в гимназию или в реальное училище была закрыта ввиду отсутствия средств. Оставалась только учительская семинария, куда неохотно шли дети зажиточных родителей и вынуждены были идти дети бедняков. В пятнадцать лет я поступил в Валмиерскую учительскую семинарию. Занятия в семинарии давали чрезвычайно мало, но усиленная работа над собой, чтение философской, естественнонаучной и марксистской литературы заменили ее. Прочитал «Анти-Дюринг» Энгельса, «Критику наших критиков» Плеханова, «Социальную революцию» Каутского. Начал, может быть не очень отчетливо, сознавать различие между вульгарным механическим материализмом, которым я увлекся в период разрыва с религией и диалектическим материализмом Маркса и Энгельса. В 1916 г. Мадонский социал-демократический кружок на гектографе издавали журнал «Slaume» («Течение»), в котором я поместил свои первые статьи и ряд стихотворений, направленных против власти. Летом 1916 г. был арестован по подозрению в распространении антивоенных прокламаций, но ввиду отсутствия прямых улик через месяц освобожден. После Февральской революции кружок влился в местную партийную организацию. Стал читать ежедневную большевистскую прессу, принимал активное участие в пропагандистской и агитационной работе Мадонской партийной организации. Читал лекции и выступал на митингах. Продолжал работу в организации молодежи и свою теоретическую учебу.

В сентябре 1917 г. в связи с эвакуацией Валмиерской учительской семинарии в г. Сызрань принял участие в Октябрьском перевороте в Сызрани по организации Красной гвардии. Летом 1918 г. во время мятежа чехословаков сидел в Сызранской тюрьме. В 1919 г. работал председателем Сызранского уко-

⁹ Янсон Карл (1888–1939) — политический деятель. Репрессирован. (Здесь и далее примеч. С. Н. Корсакова.)

ма и принимал участие в подавлении кулацких восстаний в Сызранском уезде. В 1920 г. избран секретарем Симбирского губкома. Весной 1921 г. во время профсоюзной дискуссии защищал ленинскую точку зрения, будучи делегатом X съезда партии голосовал за «платформу десяти».

В 1921 г. решил, что по-настоящему надо заняться учебой и поставил перед Симбирским губкомом вопрос о командировании на Курсы марксизма, которые были организованы согласно постановлению X съезда. Осенью 1921 г. приехал в Москву и поступил на Курсы. Окончив Курсы, перешел на философское отделение ИКП. Специализировался по логике и истории новой философии. Принимал активное участие в пропагандистской и агитационной работе Московской партийной организации. В 1923–1924 гг. вел решительную борьбу с троцкистами в ИКП. В 1924 г. начал борьбу с представителями вульгарного механистического материализма.

В 1924–1927 гг. зав. сектором Агитпропа Коминтерна. В 1925 г. был послан в качестве уполномоченного ИККИ в Германию, Австрию и Чехословакию для борьбы с правым оппортунизмом Шмералья¹⁰. Написал цикл статей для центрального органа КПЧ «Руде право».

Окончив ИКП, вел преподавательскую работу в ИКП и МГУ. В 1925–1927 гг. принимал активное участие в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией. С весны 1927 г. по осень 1927 г. работал зам. зав. Агитпропом ЦК ВКП(б). На XIV–XV съездах партии избирался членом ЦКК.

В 1929 г. проявил левацкие колебания и имел групповые связи с Костровым¹¹, Шацкиным¹², Ломинадзе¹³. Выдвигал обвинения в «ожирении и поглуплении теоретической мысли», которые были воспроизведением троцкистской клеветы на партию. В 1930 г. в области философии я проявил недооценку ленинского этапа в философии марксизма и вместе с Дебориным скатился к меньшевистствующему идеализму, совершенно правильно разоблаченному т. Сталиным. В момент начала реконструктивного периода я не понял стратегического плана т. Сталина. Был исключен из партии.

21 января 1934 г. восстановлен в партии. Работаю в Большой советской энциклопедии. За ошибку, допущенную в момент выступления на собрании

¹⁰ Шмераль Богумир (1880–1941) — основатель Коммунистической партии Чехословакии.

¹¹ Костров Тарас (Мартыновский Александр Сергеевич) (1901–1930) — главный редактор газеты «Комсомольская правда».

¹² Шацкин Лазарь Абрамович (1902–1937) — советский политический деятель. Репрессирован.

¹³ Ломинадзе Виссарион Виссарионович (1897–1935) — советский политический деятель. Покончил жизнь самоубийством.

партийной организации БСЭ¹⁴, Сокольнический райком 15 апреля 1935 г. исключил меня из партии. Московская партийная контрольная комиссия 25 мая 1935 г. отменила исключение, заменив его строгим выговором.

В течение 1934 г. написал статьи для БСЭ: «Формализм», «Ионийская философия», для «Философского словаря»: «Практика», для МСЭ¹⁵: «Очерк истории диалектики». Закончил ранее начатые работы «“Фауст” Гёте и “Феноменология духа” Гегеля», «“Феноменология духа” Гегеля в свете материалистического понимания истории». Здесь я даю разбор высшей формы синтеза, которого достигла буржуазная философская мысль в гётевском «Фаусте» и в гегелевской «Феноменологии духа» и анализ условий краха этого синтеза в последующий период развития. Для БСЭ пишу диалектику «Капитала» К. Маркса. В 1934–1935 учебном году читал курс по истории новой философии в МИФЛИ¹⁶ и собираюсь на его основе создать марксистско-ленинскую историю новой философии.

8 июля 1935 г. Ян Стэн

[РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Ед. хр. 1806. Л. 193–199]

2. Выступление Я. Э. Стэна на дискуссии в Институте научной философии 27 апреля 1926 года

Деборин: Слово имеет тов. Стэн.

Стэн: Здесь выступал тов. Тимирязев, говорил, что философы игнорируют данные науки, что они схоласты, обскуранты, пуская в ход всяческие зоологические эпитеты. Толковал факты вкривь и вкось.

Но если подойти с общей точки зрения — поставил ли Тимирязев основные вопросы диалектики в естествознании? Нет, он их не поставил.

Вспомним слова Гегеля: «Задача естествознания не только в том, чтобы познать мир, анализировать его, но и в том, чтобы синтезировать его вновь».

Важно не только разложить мир, но и опять создать его. Те сравнения, которые приводил Тимирязев — абсолютные глупости (шум, смех в зале).

Деборин: Употребляйте более парламентские выражения.

Стэн: Ни один диалектический материалист не выступает против электронов. Спор не в этом. Но по-нашему задача науки не в том, чтобы разложить мир и на этом закончить.

Маркс говорил, что путь науки сперва идет от конкретного к абстрактному и затем вновь от абстрактного к конкретному.

¹⁴ Большая советская энциклопедия.

¹⁵ Малая советская энциклопедия.

¹⁶ Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского.

Мы не только смотрим на качества как козел на воду. Мы выходим за пределы непосредственного восприятия. Но мы не говорим, что нет ничего в мире, кроме электронов, что голова Ваша, тов. Тимирязев — только хаос электронов. А так получится, если мы вычтем из природы качество и упростим ее до чисто количественных взаимоотношений. На деле же мы имеем дело с чрезвычайно сложной системой природы.

Воссоздать мир, разложивши его — задача диалектического материализма. Естествоиспытатель, который сидит в кабинете, различает, возводит свою аналитическую работу в общую теорию науки, ограничивается формальной логикой. Но на известной ступени физика становится диалектической и математической.

Тов. Тимирязев приписывал мне взгляд о специфичности истории в биологии. Я этого не говорил. Я считаю, что историчность на определенной ступени проникает и в физику и в химию.

Только синтетическая физика дает основу для решения вопроса о живом веществе так же, как аналитическая работа биологии. То простейшее животное существо, о котором говорил Энгельс, будет дано синтетической физикой и аналитической биологией.

Если бы был прав т. Тимирязев — не было бы развития, а была бы лишь игра механических сил. Нельзя сводить всё к мельчайшим частицам. Если бы были правы механисты — не нужно бы было никаких наук, а только тектология А.А. Богданова.

Механисты говорят: вы извне привносите схемы природе. Но чем отличается диалектический материализм от механического? Диалектический материализм есть сгусток опыта. Поскольку это так — диалектический материализм может быть применен по всем наукам.

В чем отличие диалектического материализма от механического? (читает цитату из «Людвига Фейербаха...» Энгельса).

Интересно, почему Тимирязев не вскрыл диалектики в физике электронной теорией? Он бы понял, что механика — частное применение электродинамических законов.

Цитирую Энгельса (читает: «Биология — химия белков...»).

До какого абсурда может довести последовательный механицизм, ясно показывает книжка Лёба¹⁷ «Организм с физико-химической точки зрения». Он там пишет, что конечная цель биологии та же, что физики и химии, что нет принципиального различия между химией и биологией, что излишне предпо-

¹⁷ Лёб Жак (1859–1924) — американский зоопсихолог.

лагать историческое развитие. Лёб отбрасывает полностью дарвинизм. Здесь мы видим, как механицизм перерастает в витализм, который не старается также объяснить жизнь историей.

За пределами механики лежит применение диалектической логики. Тимирязев не пытался показать нам, где физика переходит в химию.

Он «диалектик», он — химик: пусть покажет. Но он не умеет поставить вопросов диалектики в естествознании. Он противопоставляет прямо механицизм — витализму и спрашивает: как же вы против механицизма? На деле же механистический марксизм скрывает диалектику отдельных наук. Именно последовательным механицизмом диктуется образ козла, известное «Ignorabimus»¹⁸ Дюбуа-Реймона¹⁹. Когда мир очищен от качеств, и его мельчайшие частицы сделаны однородными, мы оказываемся лишенными возможности объяснить жизнь, историческое развитие природы. Механицизм диктует «Ignorabimus», диктует качества, которых мы не можем объяснить.

Я не хотел сказать, что исторический метод приложим только в биологии. На известной ступени он присущ каждой науке. Объяснить же мир в целом — общая задача синтетической физики и аналитической биологии.

Мы считаем, что отдельные факты, не вошедшие в синтез, не могут опровергнуть диалектического материализма. Мы не можем из-за них сдать основные философские позиции. Ленин говорил, что современность характеризует все более тонкая подделка под марксизм, что буржуазии нужно принарядиться в марксистский костюм. Витализм нам не страшен, с витализмом мы успешно боролись, и опыт у нас накоплен. Но сейчас, когда материализм растет — появляется худшая опасность вульгаризации. Здесь основная идеологическая опасность. Варьяш²⁰, например, совершает прямое и открытое нападение на диалектический материализм. Сейчас наша задача проникнуть во все науки. Сейчас стоит у власти новый класс, который должен во все проникнуть и иметь для этого общий принцип, верный, надежный для всех наук. Смешно обвинять нас в черносотенстве. Опасны те, кто не понимает этого. К этим вопросам нам придется не раз вернуться.

Итак, я заключаю: главная опасность в том, что наши вульгаризаторы не понимают разницы между механистическим и диалектическим материализмом.

[Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 98–100]

¹⁸ «Не узнаем» (лат.)

¹⁹ Дюбуа-Реймон Эмиль (1818–1896) — немецкий физиолог и философ, выдвинувший тезис о принципиальной непознаваемости основных вопросов существования природы и человека.

²⁰ Варьяш Александр Игнатьевич (1885–1939) — советский философ.

3. Секретарю ЦК КПСС товарищу Демичеву П. Н.

Уважаемый Петр Нилович!

Считаю своим долгом обратить Ваше внимание на следующие факты возмутительного поведения Митина М. Б. в отношении моего погибшего мужа. Мой муж Стэн Ян Эрнестович, партийно посмертно реабилитированный, написал в 1936 году заказанную ему Большой Советской энциклопедией статью «Философия». Над этим научным трудом, объемом 100 страниц машинописи, мой муж работал очень продолжительное время. Труд был напечатан в томе № 57 БСЭ (стр. 446–499). Том был подписан к печати 15 июня 1936 года. Сигнальный экземпляр вышел в конце июля. В нем под статьей «Философия» значилось следующее: «Статья, в основном, написана Я. Стэном. Редактирована М. Митиным, В. Сережниковым²¹, А. Щегловым²². При редактировании использован был материал, представленный С. Турецким²³».

Через несколько дней после выхода сигнального экземпляра Я. Стэн был арестован (3 августа 1936 года).

Том БСЭ № 57 со статьей Я. Стэна был подписан к печати вторично 31 августа 1936 г., т. е. спустя 28 дней после ареста Стэна. В нем под статьей «Философия», написанной моим мужем, уже не было фамилии Стэна. В отличие от первого сигнального экземпляра (июльского, который успел получить мой муж), под статьей «Философия» уже было написано: «Основная работа по статье произведена Митиным и Щегловым. В редактировании участвовал В. Сережников».

Таким образом научный труд Я. Стэна, напечатанный как труд марксистско-ленинского понимания философии, был присвоен спустя несколько недель Митиным. При этом Митин позволил себе в статью, написанную Стэном, приписать в самом конце абзац, в котором подлинный автор Стэн шельмуется (в этой же статье) как идеолог меньшевистствующего идеализма, который «оказался прямой агентурой троцкизма и зиновьевщины на философском фронте, идеологическим прикрытием антипартийной и антисоветской террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды».

Следовательно, Митин, утверждая, что подлинный автор статьи Стэн является меньшевистствующим идеалистом и агентурой троцкизма и зиновьевщины на философском фронте, присвоил себе философский труд этого агента

²¹ Сережников Виктор Константинович (1873–1944) — советский философ. Репрессирован.

²² Щеглов Алексей Васильевич (1905–1996) — советский философ, ученый секретарь Института философии. Свою часть гонорара за статью передал жене арестованного Стэна. Репрессирован.

²³ Турецкий Соломон Янкелевич (1902–1944) — советский философ. Репрессирован.

и напечатал его в Большой советской энциклопедии как труд марксистско-ленинской мысли и подписался под ним.

Я понимаю это как беспримерный случай неслыханного цинизма и попрание всех морально-нравственных норм члена КПСС.

В. Л. Стэн

[Личный архив И. Е. Мясковской]

4. Отзыв Г. М. Беспалова

В целях установления правды свидетельствую:

1. Я знал тов. Яна Стэна в начале 30-х годов как талантливого философа нашей страны. Меня познакомил с ним мой погибший в 1937 году брат Иван Беспалов (в настоящее время полностью реабилитирован). На своей квартире Ян Стэн прочел моему брату и мне большие отрывки из своих произведений «“Фауст” Гете и “Феноменология духа” Гегеля». Эти рукописи произвели на меня неизгладимое впечатление как шедевры в развитии марксистско-ленинской философии. К несчастью, они не увидели света.

2. Когда я учился в Институте красной профессуры, то самым популярным и любимым лектором в области философии был Ян Стэн. Его авторитет как философа-диалектика стоял очень высоко, его работы были для нас неременным пособием при изучении марксистско-ленинской философии.

С тех пор я не видел тов. Яна Стэна, так как уехал на партийную работу на Дальний Восток, однако значение его личности и его трудов навсегда сохранилось в моей памяти.

28 ноября 1966 г. Г. Беспалов, член КПСС с 1921 года, партбилет № 00266589

[Личный архив И. Е. Мясковской]

5. О Яне Эрнестовиче Стэне

Я учился одновременно с Яном Стэном на курсах марксизма при Коммунистической академии, организованных по решению X съезда партии, в 1921–1922 учебном году, и в Институте красной профессуры, на философском отделении, в 1922–1925 гг.

Ян Стэн был подававшим большие надежды выдающимся молодым ученым. Таково было всеобщее мнение и преподавателей и слушателей. Он хорошо знал труды классиков марксизма. Он с увлечением изучал диалектику, особенно привлекала его внимание «Феноменология духа» Гегеля. Интересы его были разносторонни. Много времени он уделял истории философии, логике, математике и естествознанию. Помню, он читал книгу Хвольсона об успехах современной физики, только что вышедший «Двадцатилетний опыт изучения

высшей нервной деятельности» Павлова, работы по теории относительности и многое другое.

Ян Стэн хорошо владел словом. Он с успехом принимал участие в дискуссиях против механистов, в опровержении теперь уже забытого «енчменизма»²⁴. В институте он играл большую роль в борьбе против троцкизма.

Способности Стэна, его знания, его ленинская ортодоксальность получили партийное признание. ЦК направил его на работу в Коминтерн. В 1925 году он ездил как представитель Исполкома Коминтерна в Чехословакию, в Прагу. Это была трудная поездка со сложными заданиями, с которыми он хорошо справился, снискав себе авторитет среди руководящих чешских товарищей.

Ян Стэн был хороший товарищ, скромн, никогда не кичился своими знаниями или своим положением, но был тверд и упорен в своих убеждениях.

Москва, 8 декабря 1966 года В. Кирпотин
[Личный архив И. Е. Мясковской]

6. Воспоминания Ирины Евгеньевны Мясковской

Моя прабабушка по матери Валерия Львовна Стэн всегда — до глубокой старости — вспоминала Яна Стэна, своего второго мужа, с неослабевающей любовью и глубочайшим уважением. Валерия всегда преображалась, молодела, сияла, говоря о Яне, ибо неизменно горячо любила его, предстоящего ее внутреннему взору.

Воодушевлявший многих мощный порыв, гениальный ум, открытый взгляд, широкие скулы... Словно вот только что она влюбилась в его «бетховенский лоб», обрамленный густой шевелюрой, вдохновенное и мужественное лицо, талант оригинального мыслителя, честное и достойное поведение общественного деятеля, ученого и ее мужа, ничем не разочаровавшего ее за семь лет счастливейшего союза!

Любые фразы, оценки, слова Яна в исполнении любящей жены, как я сейчас понимаю, в ее чтении, воспроизведении звучали, происходили вообще во имя воскрешения его на эти мгновения... Она любила, упиваясь рассказом, живописным контрастом возродить его детство: подростком пас овец и читал Спинозу... Сейчас подумала, что на подсознательном уровне Спиноза, конечно, добавлял на весы ее возраставшей любви и отсутствие антисемитизма, крайне редкое для коренных прибалтов, как в ее Литве, так и в его Латвии. Валерия никогда не забывала ни строчки и всегда читала очень мощно «Бабий Яр» Евтушенко, пылающее возмущением большое стихотворение, поднимая голос в

²⁴ Енчмен Эммануил Семенович (1891–1966) — советский философ.

финальных словах кредо чтимого ею поэта поколения шестидесятников: «Я ненавистен всем антисемитам как еврей и потому я настоящий русский!»

О роде Яна по ее рассказам помню крестьянские корни и по другой ветви он считал своим предком известного художника, «малого голландца» Яна Стена. Честно говоря, я несколько сомневалась до последнего времени в том, что это было достоверно, а не только желательно. Но лет пять назад в ГМИИ им. Пушкина на выставке западно-европейского искусства была совершенно потрясена реальным очевидным сходством лица художника на втором плане (по словам экскурсовода, это был автопортрет Яна Стена) с фото прабабушкиного Яна.

Валерия Львовна Стэн родилась в большой семье Перы и Лейба Зибуцев в 1899 году в Литве в городке Укмерге, переживавшем свой культурный, религиозный, промышленный и ремесленный расцвет с населением, состоящим большей частью из евреев (оттесненных Александром II из центральных российских городов путем количественного ценза) и староверов. Нынешний Укмерге с нулем еврейского населения продолжает любоваться многими уцелевшими постройками старого города, оставшимися от тех, кто был истреблен приспешниками нацизма. Несколько евреев, попытавшихся вернуться в Укмерге после войны, уцелели на фронте и в сталинских безднах лучше, чем в Литве. Я знаю про выросших и состоявшихся трех братьев и сестру Валерии Львовны. Двое братьев эмигрировали, третий погиб на фронте в Отечественную войну.

С Яном они встретились после развода с ее первым мужем Евсеем Лазаревичем Рапопортом²⁵, также профессиональным революционером. Она вышла за него замуж в 1919 г. Он был председателем военно-революционного трибунала в Вильнюсе, в конце 1919 г. был направлен по линии Коминтерна на нелегальную работу в Германию, где работал два года, а затем до 1923 г. служил в советском торгпредстве в Берлине. Валерия окончила курсы стенографии и машинописи и тоже работала около года в советском торгпредстве. После возвращения в Москву муж работал там прокурором, потом прокурором в Туле. Затем через год выехали на Дальний Восток, в Хабаровск. Валерия выехала на учебу во Владивосток, в Дальневосточный университет, где училась до 1926 года на китайском отделении. Уход первого мужа к другой женщине стал для нее тяжелейшей драмой, она даже пыталась покончить с собой на глазах маленькой дочери, родившейся в 1920 г. в Берлине. Потом долго восстанавливалась. Учиться в университете ей после болезни и

²⁵ Рапопорт Евсей Лазаревич (1897–1957) — подполковник юстиции.

душевного кризиса не разрешили врачи, поэтому она не успела закончить два последних курса. Но так как она имела отличные успехи в изучении китайского языка, ей предложили выехать на практику в Китай вместе со студентами старших курсов. В конце 1926 г. она выехала в Китай. Первые полтора месяца жила в Пекине, занималась изучением китайского языка. Затем, ввиду невозможности поступить на работу в Пекине, переехала в г. Тяньцзинь, где устроилась работать машинисткой в советское консульство. Работала до осени 1927 г., занимаясь одновременно китайским языком. Осенью 1927 г. выехала из Китая в связи с разрывом дипломатических отношений СССР и Китая.

После лагерей от ее английского остался только письменный. Когда она после освобождения восстановила связь с эмигрировавшим младшим братом Яковом, то они переписывались по-английски. Но когда приезжал, говорили на русском. Помнила несколько слов по-китайски. Язык, который она реально обожала, был немецкий, который она сумела сохранить в лагерные годы, преподавая желающим в «лагерных университетах» страны и на поселении. А когда надо было написать стаж в трудовой книжке, по которому ей «заплатили» за годы в лагерях после ее реабилитации, то написала «учитель немецкого языка». Когда мои родители в 1970-х познакомили ее со своими друзьями из ГДР, баба Валя потрясла их тем, как воспроизводила все региональные диалектные и интонационные отличия в немецком языке.

Ян Стэн был главной любовью ее жизни. Мне помнится по ее рассказам, что познакомил их Лев Николаевич Чернявский. Хотя, возможно, их познакомил певец Н. Н. Озеров. Есть групповая фотография: втроем, в пальто, стоящими на ветру; развевались волосы у Яна и полы плащей. И изумительное поле влюбленности между двумя людьми на этом снимке. Летом 1929 г. они поженились. Встреча с ним стала для нее возрождением после душевного кризиса. Скорее всего, их сблизило и германское прошлое, какие-то воспоминания о любимых пространствах — Прибалтики их детства и отрочества, Германии их юности, немецкая культура, в которой им предстояло творчески посотрудничать, когда он писал свой главный философский труд, а она счастлива была для него максимально точно переводить Гете и Гегеля. Круг общения семьи Стэнов в этот период: философы²⁶ Карев и Лупшол²⁷, историки Фридланд²⁸ и Газганов²⁹, политики Шацкин и Ломинадзе.

²⁶ «Филосовы» — записал энкавэдэшник в уголовном деле Валерии Стэн.

²⁷ Лупшол Иван Капитонович (1896–1943) — советский философ. Репрессирован.

²⁸ Фридланд Цви Самойлович (1897–1937) — советский историк. Репрессирован.

²⁹ Газганов Эммануил Яковлевич (1900–1937) — советский историк. Репрессирован.

Она рассказывала, что, хорошо владея немецким, переводила ему «Феноменологию духа» Гегеля для уникального сравнительного исследования этого труда с «Фаустом» Гете... Если экземпляр этой рукописи чудом сохранился в архиве НКВД-КГБ-ФСБ или личном — Сталина, то, возможно, эта работа еще прославит Яна Эрнестовича как зрелого самобытного философа, а не только как честного коммуниста, талантливое и ярчайшего преподавателя молодой философской школы, которого почитали и В. Ф. Асмус, и В. Я. Кирпотин (они поддерживали с вышедшей из лагеря В. Л. Стэн периодическое общение, надписывали ей книги).

Прабабушка никогда не запинаясь, произнося принципиальнейшую фразу Яна: «Каждый комсомолец должен на собственном опыте проверять правильность генеральной линии партии». Она с детства вдолбила мне в голову многократным цитированием этот тезис Яна, непростой для малого ребенка своей логической конструкцией, но со временем все более ясно и стройно раскрывавший суть здоровой партийной жизни в стране. Позднее уже я сама повторяла его кому-то после вступления в комсомол: «Каждый комсомолец должен на собственном опыте проверять правильность генеральной линии партии!»³⁰ Эти мощные, социально проточные и энергетичные слова даже в годы моей юности и в период учебы в институте («идеологический фронт» — театроведение) в эпоху застоя акцентировали честность, достоинство, смелость, гражданственность — и я тоже повторяла их людям не раз, неся дальше волны реки Яна. И тоже произнесу без запинки, если разбудить ночью — потому что это стало частью меня, моего представления об идеальном обществе и идеальном — честном! — служении.

Ян преподавал Сталину гегелевскую диалектику, и этого — наряду с «проверкой правильности генеральной линии» — было бы уже достаточно для ареста. Но прабабушка говорила, что он еще и не стеснялся сказать Сталину: «Коба, ты дурак!» — поскольку так и думал. Сталин был весьма посредственным учеником. Еще Ян рассказывал жене о чудовищном матерном хамстве Сталина по отношению к Н. С. Аллилуевой, то есть к жене и матери его детей, за общим столом в Кремле при свидетелях.

Я видела у прабабушки фото дочери Яна от первого брака. По-моему, ее звали Рита. Вероятно, прабабушка была с ней знакома, говорила, что она умерла молодой от туберкулеза. Не знаю, кто была первая жена Яна. Были и латышские родные Яна с хутора Саулитес Рижского района, с которыми Валерия

³⁰ Стэн Я. Э. Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма // Комсомольская правда. 1929. 26 июля. После публикации этой статьи Сталин отдал приказание преследовать Стэна.

общалась после лагерей — сестрой Яна Марией Шмитс и ее детьми Рутой и Оскаром, ездила к ним в гости, радостно улыбаясь, фотографировалась с племянником, похожим на Яна комплекцией и чертами лица. Привезла от них и уникальное фото Яна на крыльце родного дома.

В 1932 г. Стэн был арестован по делу Рютина и сослан в Казахстан в г. Акмолинск. Она поехала к нему — продолжать быть его поддержкой, согреть его своей любовью, заботой... 2 января 1934 г. супруги Стэн вернулись из ссылки в Москву. Стэн работал в Большой советской энциклопедии, Валерия преподавала немецкий язык в школе № 91. Они общались с деканом истфака МГУ Фридляндом, с П. Г. Петровским³¹, с которым познакомились в ссылке, с профессором МАИ Семеном Шором³² и ученым секретарем Института философии Щегловым. От любящей жены, с дачи в поселке старых большевиков на станции Отдых, на рассвете 3 августа 1936 г. Яна Стэна, подняв с постели, увезли навсегда. В лагерях она потом встретила художника Бориса, который рассказал ей, как семнадцатилетним видел Стэна перед решающим заседанием суда. Ян, по его словам, сказал: «Вы молоды. Вам страшное не грозит...».

Люблю картину Репина «Спасение святым Николаем Мир Ликийским Чудотворцем трех невинно осужденных». Три возраста изображены художником на картине в ожидании смерти: Юноша, мужчина лет сорока, в расцвете сил, и старец. Юноша сошел с ума, не в силах принять несправедливость и отнятие только расцветающей жизни. Лишь старик сияет взором и почти танцует от ликования, слыша отмену приговора святым Николаем... А на переднем плане в максимальном напряжении молитвы и желания встретить смерть достойно, на коленях под секирой замахнувшегося палача мужчина лет 38–40, не слышит ничего вокруг происходящего, не слышит ни отмены приговора, ни юноши с заплутавшей от ужаса речью, ни старца с его ликующим возгласом благодарности Богу. Когда я, взрослая, размышляла над последними известными семье словами Яна юному тогда художнику Борису перед судом, мне все более ощущались в них его мысли о воздаянии — не сомневалась никогда в именно его способности выйти от ума к мудрости, к глубокому, росшему с годами покаянию за может и единственный личный неправедный даже для революционера поступок — участие в подавлении Кронштадтского мятежа.

Валерия Львовна была арестована 20 июля 1937 г. Содержалась в Бутырской тюрьме. На допросах она не дала показаний о враждебной деятельности мужа, которых от нее настойчиво добивались. Валерию Львовну обвинили

³¹ Петровский Петр Григорьевич (1899–1941) — советский политический деятель. Репрессирован.

³² Шор Семен Юрьевич (1905–1937) — советский историк. Репрессирован.

в том, что она, «являясь соучастницей в контрреволюционной деятельности своего мужа, не донесла о его деятельности». Ее отправили в Потьму, в Темниковский лагерь на 8 лет. В 1941 г., находясь там, сумела закончить курсы медицинских сестер. В лагере вела себя очень достойно, перевыполняла норму, получаемым за это допайком, будучи малоежкой, подкармливала тех, кто с трудом переносил недоедание, в санчасти смело отстаивала каких-то вымотанных работой, нуждавшихся в медпомощи людей... Узнали многое от Анны Михайловны Бухариной-Лариной, до которой такие характеристики знакомой ей по прошлой жизни Валерии Львовны Стэн доходили лагерными пересечениями. Про нее ходила фраза: «Закаляйся, как Стэн».

С Валерией и Яном в Москве жила, росла, воспитывалась ее дочь от первого брака Ольга Евсеевна Раппопорт, моя будущая бабушка. Когда арестовали отчима, Яна, а затем ее мать, Ольга в прямом смысле оказалась на улице, каждый день проживала как последний. После ареста Валерии Львовны она, слава Богу тогда отсутствовавшая дома, вернулась к опечатанной двери. Ее двоюродная сестра и тезка в квартиру свою с родителями ее не пустила. Оля ей это простила, и они общались, но рана того мгновения и последовавшего времени одиночества и незащищенности осталась бедой в истории семьи. Она долго скиталась и в конце концов, может, и через год пришла к депутату Центрального райсовета г. Москвы, последнего места своей прописки. А им в то время был актер МХАТа, непревзойденный И. М. Москвин. Его секретарь, мудрая и добрая женщина, спасла Ольге жизнь, а нам с мамой — возможность народиться: к ее совету, на счастье, прислушалась уже столько всего пережившая юная девушка, потерявшая к тому моменту многих из своих сверстников, друзей, детей советской научной, творческой и партийной элиты — они сгинули после арестов целых семей или сомнительных смертей и самоубийств их родителей. Так сгинул и юноша Сережа Каменев, в которого, я слышала, Ольга была влюблена — сын очень вовремя умершего командарма Сергея Сергеевича Каменева, еще «успевшего» уйти восхваленным газетами партийным товарищем, но ошельмованного посмертно. «Вам надо выбрать жилплощадь, которой никто не позавидует», — сказал ангел-хранитель нашей семьи словами неравнодушной чиновницы, хорошего человека. И Ольга выбрала пятиметровую вытянутую комнатку за кухней на Зубовском бульваре, где и уцелела от доносов сограждан, коих продолжал портить «квартирный вопрос».

В декабре 1937-го был арестован и родной отец Ольги, с юных лет пламенный революционер, принципиальный юрист — омский прокурор Евсей Лазаревич Раппопорт. Раппопорт был очень неудобной фигурой для работников

НКВД. Вместо того чтобы преследовать «контрреволюционеров», он осмеливался не только давать указания чекистам, но и возбуждать против них уголовные дела и дисциплинарные преследования, за что его не раз одергивал Вышинский. Он был арестован в Москве, куда он был вызван Вышинским на очередной «разнос», а затем этапирован в Омск. Раппопорт не был сломлен в тюрьме. Уголовное дело в отношении Раппопорта было прекращено 8 июля 1939 г. А через 5 дней после его освобождения, 13 июля 1939 г., родилась моя мама, Елена, которую ее бабушка Валерия Львовна всегда очень любила, хотя узнала ее 8-летним подростком. Раппопорт уехал сразу в дальний городок на Украине Каменец-Подольский работать на заводе, не заезжая ко второй жене и дочери, чтобы их не подставлять. Участвовал в Великой Отечественной войне, после войны работал в Ташкенте. В 1957 году на поминках отца в Ташкенте Ольга познакомилась с сестрой по отцу, Наташей, которая была младше ее на 27 лет.

Мама, тогда маленькая рыжая хулиганистая дошкольница, в раннем детстве жила у сестры Валерии — Анны Львовны, талантливого фтизиатра, возглавлявшего туберкулезный санаторий в Битце. Ее муж, мудрый, добрейший, печальный Михаил Натанович Гельперн, также врач, потерял в Вильнюсском гетто всех своих родных. В жилой избе для руководства на территории туберкулезного санатория во время войны вместе с моей мамой и дочерью Гельпернов Валей жили и малолетние племянницы Юля и Рита от погибшего на войне брата Валерии и Анны — Хонолы. В санатории лечилось и вылечилось благодаря врачебному и организационному таланту Гельпернов много детей разного возраста, в том числе коминтерновских как, например, дочь и сын Бела Куна. Дочь Валерии Ольга всю жизнь дружила с дочерью Бела Куна Марго. Анна Львовна Гельперн в годы, проведенные Валерией в лагерях, постоянно поддерживала ее посылками. Однажды ездила к ней в Сибирь. Дочь Анны Львовны помнила, как тетя Валя стояла, встречая их троих с матерью и Ольгой, на холме в сделанной ее руками вышиванке с голубым и синим, почти гжельским рисунком!

20 июля 1945 г. Валерия Львовна освободилась из Темниковского лагеря. После этого она выехала в Тарусу, где жила первые два месяца, потом добилась разрешения жить у сестры в Битце. Устроиться на постоянную работу не могла. Поэтому давала частные уроки немецкого языка и некоторое время ухаживала за одной из своих знакомых в качестве медсестры. Кроме того, последние два года перед повторным арестом она занималась частной практикой по массажу и одновременно училась в фельдшерской школе им. Клары Цеткин. Думаю, что Валерия не верила, что Ян уцелел, но все же еще наде-

ялась. Ведь его «десять лет без права переписки» прошли к тому моменту, и он ниоткуда не вернулся. Она знала, что его последняя статья «Философия» в Большой советской энциклопедии была цинично, «в особо извращенной форме» присвоена Митиным. В 1949 году у прабабушки был какой-то тяжелейший психологический, похоже даже психический, суицидальный кризис. Или из-за окончательного осознания потери обожаемого человека, или, может быть, властная Анна Львовна, у которой она, вероятнее всего, жила до следующего ареста, могла уничтожить или, хуже того, потребовать от нее самой уничтожить архив Стэна. Не исключено, что и его великий труд, являвшейся их общим «ребенком», тем, ради чего они встретились в этой жизни, помимо ее великой любви... Валерия Львовна лежала в больнице им. Ганнушкина, получила инвалидность 2-й группы.

В. Л. Стэн была повторно арестована 15 декабря 1950 г. Она содержалась во Внутренней тюрьме МГБ СССР. От нее вновь добивались показаний против покойного мужа. Спрашивали с кем и о чем он разговаривал. Она отвечала, что знакомые общались с мужем в его кабинете, а муж не любил, чтобы она при этом присутствовала, и содержанием разговоров с ней не делился. «Анти-советские» настроения мужа она категорически отрицала. По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 20 января 1951 г. она получила новый срок и 7 февраля 1951 г. была отправлена в лагерь. 12 июля 1954 г. она была освобождена из лагеря. 21 октября 1954 г. написала письмо Генеральному прокурору Руденко с требованием реабилитации ее и мужа.

После реабилитации 1956 года прабабушка жила на Фрунзенском валу. Утром она здоровалась с фотопортретом Яна, стоявшим на самом главном месте в комнате коммуналки на Фрунзенском валу, или на даче, когда она переезжала туда на лето. Не проходило дня, чтобы она не говорила о нем, не цитировала, не воскрешала Яна, пусть в тысячный раз, какими-то запомнившимися ей его оценками.

Валерия Львовна берегла и многим показывала свою главную святыню, сигнальный экземпляр тома Большой советской энциклопедии со статьей Яна «Философия», выпущенный до его ареста. После ареста в статье, подписанной уже Митиным, в тираже издания появился дополнительный абзац, в котором поносились как «враги народа» и сам Ян, автор статьи, и его учитель Деборин, его друг Карев и другие коллеги в деле развития талантливой молодой марксистской философии. Чудом сохранившийся сигнальный экземпляр, в котором статья была подписана еще именем Стэна, был в буквальном смысле ее оружием и помог ей, соратнице мужа, одержать важнейшую для нее в ее жизни победу. Он стал основным аргументом в ее борьбе за честное имя и

научный престиж возлюбленного мужа, в результате которой Митин был предан заслуженному развенчанию и позору. Когда прабабушка, сохраняя свою независимость, сколь могла долго жила отдельно от родных (нам разрешалось ее навещать), к ней в доверие втерлась некая Тамара, которая, как позднее выяснилось, была приятельницей Генриха Волкова³³, ученика Митина. Через некоторое время после ее неожиданного отхода от бабушки в доме уже не могли найти сигнальный экземпляр БСЭ. И вскоре появилась статья Генриха Волкова с фразой, провоцировавшей на предоставление неопровержимых, но уже украденных доказательств в старом споре: «*по утверждению жены Стэна, статья “Философия” была написана им*»³⁴.

Когда прабабушку реабилитировали и выдали ей участок взамен конфискованного при аресте, в том же поселке Кратово, в дачном кооперативе старых большевиков «Красный бор», который был последним адресом их супружеского счастья и трагической разлуки с Яном, то она совместно с сестрой Анной построила там в 1957–1958 гг. дом. Валерия подарила сестре Анне и ее семье половину дома и участка в благодарность за посылки в лагерь, за помощь дочкам брата и ее внучке.

Прабабушка совершенно не доверяла уже больше советской власти, слушала «Немецкую волну» и также другие «вражеские голоса» по своей «Спидоле», к которой никому не разрешалось прикасаться, чтобы не уронить. В ее частной жизни «Спидола» становилась таким же инструментом правды, как до этого сигнальный номер БСЭ. А ее рассказ о выходе из лагеря начинался с неизменного «когда Сталин сдох...».

В дачном поселке «Красный бор» она любила гулять по улицам Комиссарова и Кооперативной, считая прогулку в сосновом бору лучшим оздоравливающим и антидепрессивным лекарством. И каждый раз с яростью и крепкими эпитетами плевала, проходя мимо калитки дачи «проклятого Константинова», сталинского «академика», который вместе с «подонками и доносчиками Юдиным и Митиным» приложил руку к гибели ее Яна. Гуляя, навещала своих друзей. Нередко заходила со мной в гости на участок Аголов³⁵, которые с ними в счастливую пору там соседствовали, и всегда подолгу беседовала с грузинской парой — старого большевика Сосо и его жены, живших теперь в этом доме. Еще мы с бабой Валею ходили к Юсилевичам, к дочери историка

³³ Волков Генрих Николаевич (1933–1993) — советский философ.

³⁴ Волков Г. Н. Вознесение: О том, как Сталин сделался великим философом // Советская культура. 1988. 7 июня.

³⁵ Агол Израиль Иосифович (1891–1937) — советский философ. Репрессирован.

Максакова³⁶, к сыну Антонова-Овсеенко³⁷. Они говорили о политике, сравнивали информацию разных «Голосов», «проверяя правильность...». Я, понятное дело, вплотную занималась на их участках, с разрешения ее друзей, позабытой крупной и самой вкусной земляникой, темной, с туманчиком переспелости и самым волшебным благоуханием из дачного детства. Захватывала она меня и к хлебосольным и талантливым Спиркиным³⁸. Спиркин был автором популярного учебника по философии — вероятно, он ценил Яна.

Но самым дорогим человеком из молодости была для нее Нюсенька, Анна Михайловна Бухарина-Ларина, любимая всеми в нашей семье. Они много общались. У нас же на бабушкиной даче были написаны и многие главы ее воспоминаний «Незабываемое». Огромная работа, которую тайно произвела эта хрупкая и лучащаяся женщина, — большая драгоценность в царстве исторической правды. Она пыталась и прабабушку не только подробно расспрашивать об эпохе, когда она сама — дочь старого большевика Ларина, друга Бухарина, была еще совсем юной, но и включить в такой же писательский подвиг. Но старшей подруге, которая щедро делилась с ней тем, что помнилось, достаточны оказались собственные преодоления.

После ареста мужа, в лагерях и после выхода из заключения, а также всю последующую жизнь, когда вернулась и была еще, даже и до глубокой старости, исключительно красивой женщиной, которой не раз предлагались достойные партии, она оставалась ему верна. Супруга-помощник, секретарь, переводчик, вдова, удивительная, вдохновляющая многих видевших ее и слышавших о ней закалкой, силой воли и благородством в лагерях... До глубокой старости поражала многих красотой лица и стройностью фигуры. А боль, страдания, потери пытались и позднее, на воле сломить ее возвращавшейся депрессией, бессонницей после тех многодневных допросов при свете без сна... Но, заев геркулесом горсть таблеток, она — рецепт рассказанный ею дочери — принимала ванну, душилась прекрасными духами и шла гулять — долгие прогулки, волевым усилием подняв себя... Закаляйся, как Стэн!

Из последнего года жизни Валерии Стэн — примерно, август 1986-го — когда я ухаживала за прабабушкой на даче. Она начинала все чаще что-то забывать, отключаться, сидеть с отсутствующим взглядом. Порекомендовали колоть церебролизин, восстанавливающий, поддерживающий память. Уколола

³⁶ Максаков Владимир Васильевич (1886–1964) — советский историк.

³⁷ Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883–1938) — советский политический деятель. Репрессирован. Сын: Антонов-Овсеенко Антон Владимирович (1920–2013) — основатель Государственного музея истории ГУЛАГа.

³⁸ Спиркин Александр Георгиевич (1918–2004) — советский философ.

очередной, вижу глаза начинают включаться, как будто зажигаться светом изнутри, осмысливать происходящее вокруг.

— Бабуля, ты не прочитаешь стихи?

И она начинает читать свое заветное и программное, очень длинное и всего с одной запинкой «Наследники Сталина» Евтушенко с всегдашним кульминационным взлетом: «Как из наследников Сталина — Сталина вынести?» В этом стихотворении чтимый ею наш поэт и гражданин рассказывает о том важном для поколения шестидесятников и всей страны моменте общественного самоосознания, когда после разоблачающих преступления сталинщины XX и XXII съездов КПСС из мавзолея Ленина выносили тело Сталина. Валерия, к сожалению, не написала своих мемуаров о Яне, но подарила ему свою, ничем и никем неистребимую любовь и преданность навсегда. Верю, они встретились там, где царит всепобеждающая любовь.

Бабушка Валя ушла 26 декабря 1986 года. Скорее всего, ей было 88 лет. Она изменила на два года дату своего рождения при получении паспорта, чтобы быть младше Яна! Моя прабабушка много пережила на своем веку и, может быть, не знаю точно, не была религиозна. Но ушла тихо на Рождественской неделе в окружении дочери и внучки. Я в тот вечер была с мужем в Доме композиторов на вечере Молодежного музыкального клуба у Г. С. Фрида³⁹, где молодой Башмет играл что-то отстраненное, тайно знающее, высокое и печальное на своем Божественном Альте — вестнике Небес. Именно тогда, слушая эту музыку Вечности, я была пронзена уверенностью, что Бабушка сейчас уходит...

[Личный архив И. Е. Мясковской]

Список источников

Авторханов А. Г. Технология власти. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976. 809 с.

Деборин А. М. Воспоминания // *Вопр. философии*. 2009. № 2. С. 113–133.

Кирпотин В. Я. Ровесник железного века. М.: Захаров, 2006. 842 с.

Корсаков С. Н. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // *Наш философский дом*. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 95–195.

Корсаков С. Н. Страничка из истории философских проблем физики в СССР: Эдуард Фрицевич Лепинь (1893–1937) // *Философия науки и техники*. 2019. № 1. С. 76–89.

³⁹ Фрид Григорий Самуилович (1915–2012) — советский композитор.

Корсаков С. Н., Черняев А. В. Сто лет изучения истории русской философии в Институте философии РАН (статья первая) // Русская философия. 2021. Вып. 1. С. 109–125.

Ларина А. М. Незабываемое. М.: Вагриус, 2002. 442 с.

Митрохин Л. Н. О прошлом и настоящем // Вопр. философии. 2002. № 9. С. 20–53.

Ойзерман Т. И. Из бесед с Л. Н. Митрохиным // Как это было: Воспоминания и размышления. М.: РОССПЭН, 2010. С. 117–188.

Резник В. Д. Люди двадцатых годов // Звезда. 1991. № 5. С. 179–204.

Сандлер А. С., Этлис М. М. Современники ГУЛАГа. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1991. 557 с.

Стэн Я. Э. Статьи и выступления по философии. М.–СПб.: Максимум, Миръ, 2015. 288 с.

Шапиро Ю. В. Воспоминания о прожитой жизни. М.: б. и., 2006. 459 с.

Архивы

Архив РАН — Архив Российской академии наук;

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации;

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

References

Avtorkhanov, A.G. (1976) *Tekhnologiya vlasti [Power Technology]*. Frankfurt-na-Mayne: Posev.

Deborin, A.M. (2009) ‘Vospominaniya’ [‘Memories’], *Voprosy filosofii*, 2, pp. 113–133.

Kirpotin, V.Ya. (2006) *Rovesnik zheleznogo veka [Age of the Iron Age]*. Moscow: Zakharov.

Korsakov, S.N. (2009) ‘Stanovleniye Instituta filosofii i sud’by filosofov pri stalinskom rezhime’ [‘Formation of the Institute of Philosophy and the Fate of Philosophers under the Stalinist Regime’], in *Nash filosofskiy dom [Our Philosophical Home]*. Moscow: Progress–Traditsiya, pp. 95–195.

Korsakov, S.N. (2019) ‘Stranichka iz istorii filosofskikh problem fiziki v SSSR: Eduard Fritsevich Lepin’ (1893–1937)’ [‘A Page from the History of Philosophical Problems of Physics in the USSR: Eduard Fritsevich Lepin (1893–1937)’], *Filosofiya nauki i tekhniki*, 1, pp. 76–89.

Korsakov, S.N., Chernyayev, A.V. (2021) ‘Sto let izucheniya istorii russkoy filosofii v Institute filosofii RAN (stat’ya pervaya)’ [‘One Hundred Years of Studying the His-

tory of Russian Philosophy at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (First Article)'], *Russkaya filosofiya*, 1, pp. 109–125.

Larina, A.M. (2002) *Nezabyvayemoye [Unforgettable]*. Moscow: Vagrius.

Mitrikhin, L.N. (2002) 'O proshlom i nastoyashchem' ['About Past and Present'], *Voprosy filosofii*, 9, pp. 20–53.

Oyzerman, T.I. (2010) 'Iz besed s L.N. Mitrokhinym' ['From Conversations with L.N. Mitrokhin']. *Kak eto bylo: Vospominaniya i razmyshleniya [How it Was: Memories and Reflections]* Moscow: ROSSPEN.

Reznik, V.D. (1991) 'Lyudi dvadtsatykh godov' ['People of the Twenties'], *Zvezda*, 5, pp. 179–204.

Sandler, A.S., Etlis, M.M. (1991) *Sovremenniki GULAGa [Contemporaries of the Gulag]*. Magadan: Magadanskoye knizhnoye izdatel'stvo.

Shapiro, Yu.V. (2006) *Vospominaniya o prozhitoi zhizni [Memories of the Lived Life]*. Moscow: no publ.

Sten, Ya.E. (2015) *Stat'i i vystupleniya po filosofii [Articles and Speeches on Philosophy]*. Moscow; St. Petersburg: Maksimum, Mir.

Информация об авторе: С. Н. Корсаков — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Information about the author: S. N. Korsakov — DSc in Philosophy, Leading Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.05.2022;
одобрена после рецензирования 09.06.2022;
принята к публикации 12.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022;
approved after reviewing 09.06.2022;
accepted for publication 12.06.2022.